

кавказ, Сталинград, Самара, Казань, Нижний Новгород). Огромное впечатление — насколько можно судить по очеркам об этой поездке, собранным в книгу **«По Союзу Советов»** (1929), — произвел на Г. сам факт образования в России некоей новой культуры: так давно ожидаемый им результат революции, искупивший в глазах Г. ее разрушительное действие. С этого момента Г. всецело захвачен идеей активного содействия «культурному строительству» в СССР. В 1929 он вновь посещает страну, а с 1931 избирает Москву местом постоянного жительства. Огромные привилегии и почести, оказываемые ему властями (выделение знаменитого особняка Рябушинского в Москве, дач в Крыму (Тессели) и под Москвой (Горки), специального вагона для поездок в Италию и Крым зимой, многочисленные переименования улиц и городов (в т. ч. переименование Нижнего Новгорода) и даже открытие в его честь Лит. ин-та (1 дек. 1933 «в ознаменование 40-летия лит. деятельности!»), Г. воспринимает с некоторым недоумением, однако старается их оправдать огромным культурно-просветительским трудом: по его инициативе организуются ж. «Наши достижения» (1929–36) и «Лит. учеба» (1930–41), изд. «История фабрик и заводов», выпустившее в 1931–33 около 250 книг различного характера, изд. «История Гражданской войны», выпускается лит.-худож. альм., создается знаменитая серия «Б-ка поэта» и т. д.

Об этом — последнем — периоде жизни Г. судить достаточно сложно, ибо значительное количество материалов, касающихся обстоятельств деятельности Г. в СССР в 1931–36, до сих пор не опубликовано. Несомненной представляется лояльность писателя курсу, проводимому властями, в общем об этом свидетельствуют его многочисленные публицистические выступления, очевидная тенденциозность произведений этой эпохи горьковского творчества (пьесы **«Достигаев и другие»**, **«Сомов и другие»**, **«Рассказы о героях»**). Г. сыграл ключевую роль в образовании Союза советских писателей, являвшийся организатором и председателем I Всесоюзного съезда советских писателей (1934). Однако истинную позицию Г. в грандиозной политической игре этих лет мы до сих пор представить себе не можем, довольствуясь бесчисленными апокрифами и косвенными свидетельствами. Известно, однако, что последние годы жизни Г. находился под жесткой «опекой» ГПУ, возглавляемого Г. Г. Ягодой, стремившимся по возможности изолировать Г. от советской и мировой общественности (се-

кретарь Г. П. П. Крючков, по мнению некоторых мемуаристов, играл в этом значительную роль). Загадочен и конец Г.: скончавшийся 18 июля 1936, писатель был вскоре объявлен жертвой «троцкистско-бухаринского» заговора. Сейчас версия об убийстве Г. (и об убийстве его сына Максима в мае 1934) остается предметом дискуссии.

Подлинное, лишенное «белых пятен» и сиюминутной политической пристрастности жизнеописание Горького — впереди.

Соч.: ПСС. Худож. произведения. М., 1968–76. Т. 1–25; Варианты к худож. произведениям. М., 1974–82. Т. 1–10; Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1957. ЛН. Т. 70; Горький и Л. Андреев: Неизданная переписка. М., 1957. ЛН. Т. 72; М. Горький и А. П. Чехов. М., 1951; А. М. Горький и В. Г. Короленко. М., 1957.

Лит.: Андреева М. Ф. Переписка, воспоминания, статьи, документы. М., 1968; Максим Горький в воспоминаниях современников. М., 1981. Т. 1–2. (Серия лит. мемуаров); Летопись жизни и творчества Горького. М., 1958–60. Т. 1–4; Десницкий В. А. М. Горький: Очерки жизни и творчества. М., 1959; Груздев И. Горький и его время. 1868–1896. М., 1962; Фарбер Л. Горький в Нижнем Новгороде. 1989–1904. Горький, 1968; Муратова К. Д. Горький на Капри. 1911–1913. Л., 1971; Гречнев В. Горький в Петербурге — Ленинграде. Л., 1968; Диксанов Н. К. Горький-поэт. Л., 1940; О худож. мастерстве Горького: сб. статей. М., 1960; Овчаренко А. Публицистика Горького. М., 1965; Эвентов И. Сила сарказма: Сатира и юмор в творчестве Горького. Л., 1973; Голубева О. Л. Горький-издатель. М., 1968; Гиголов Г. Драматургия Горького 1902–1906 гг. в совр. ей критике и публицистике. Тбилиси, 1975; Спиридонова Л. М. Горький: Диалог с историей. М., 1994; М. Горький и его эпоха: Исследования и материалы. Вып. 1–4. М., 1989–95; Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти: роман-исследование. М., 1996; Максим Горький: Pro et contra. СПб., 1997. (Русский путь); М. Горький на пороге XXI столетия // Горьковские чтения 1998: в 2 т. Н. Новгород, 2000.

Ю. В. Зобнин

ГОРЯНСКИЙ Валентин (настоящее имя Валентин Иванович Иванов) [24.3(5.4).1888 (по др. сведениям — 26.7.1887 и 1886), Луга — 4.6.1949, Париж] — поэт, прозаик, драматург.

Незаконнорожденный. Мать — вологодская мещанка А. А. Александрова. Восприемником был дальний родственник матери беллетрист И. Л. Леонтьев-Щеглов (вероятно, отчество и фамилия Г. происходят от его имени). До поступления в 2-ю петербургскую гимназию (авг. 1901) обучался дома; выбыл из гимназии (дек. 1902) за «неуспеш-

В. Горянский

ность занятий» по причине «слабых способностей и лени» (РГИА. Ф. 174; гимназическое свидетельство). После долгих ходатайств матери поступил в петербургскую учительскую школу (1906), намереваясь сдать экзамен на сельского учителя; школу не закончил. Жил случайными заработками, давал частные уроки в Луге. По совету Щеглова начал писать стихи. Первая публикация — в «Русском паломнике» (1903. № 19; см. также: № 24, 27, 47; 1904. № 2, 41; подпись — Вал. Александров). Некоторое время сотрудничал в газ. «Слово» (орган октябристов) (1906), поместив здесь ряд юношеских стих. на революционно-народническую тематику («Я о солнце пою, я о правде пою», «Памяти Некрасова», «Оглянитесь, ночь на исходе, друзья» и др.). На мировоззрение Г. этих лет повлияли новонароднические идеи его лит. наставника Щеглова. Публиковался в ж. «Всемирная панорама» (1910), «Пробуждение» (1909). В лирическом цикле стих., созданных в период реакции («Злоба Солнца»), поэт повествует о тщетности революционных порывов, о смирении и кротости как высших добродетелях («Подвиг жизни»). Несоответствие чистого, справедливого и обывательского, убогого приводит Г. к мысли об обреченности поэта, вынужденного жить «сладким обманом», сказкой. В 1913 поэт был приглашен сотрудничать в «Сатириконе» (с № 18), где наряду с Сашей Черным и П. П. Потемкиным становится одним из поэтических лидеров журна-

ла; здесь, помимо лирических стих., пробует себя в жанре «лиро-сатир», высмеивающих под маской незатейливого простака-провинциала пошлость примитивной обывательской философии. Лирические произведения были собраны Г. в его первом сб. «**Крылом по земле**» (1915), основная тема которого — несовместимость поэтической мечты героя-идеалиста и жестокой урбанистической действительности. «Певцом каменного плена» назвал поэта в своей благожелательной рецензии И. И. Ясинский (Журнал журналов. 1915. № 31; см. также др. рец.: Летопись. 1916. № 2). В его же выступлении, посвященном творчеству Г. (дек. 1915), высказывается мысль, что «любовь и сострадание» к «маленьким людям» играют главную роль в «поэтическом театре» поэта (ИРЛИ. Ф. 352). Город в символике сб. — это «каменный плен», убогая, нищая реальность; деревня, природа — прекрасная мечта, поэтический сон («**Цветы на камне**», «**Дом печали**»); в стилистике широко использованы фольклорные мотивы, диалектизмы («**Девичья**», «**Клевер**»). Сатирические стих. сб., по мнению рецензента, «к поэзии мало относятся». В «Сатириконе» и затем в «Новом сатириконе» (1913–18) Г. широко использует прием, когда «идиллия» провинциального обывательского существования, рисуемая поэтом от лица претенциозного, напыщенного, «культурного» героя, в сущности беспомощного и невежественного (вариация маски Козьмы Пруткова), звучит иронически, что и создавало комический эффект («**В глуши**», «**Симметрия**», «**Тоня-изменница**»).

В сатириконский период Г. порывает с традиционной метрикой, пытается обновить свою поэтическую технику особыми интонационными эффектами, вводя элементы бытовой речи. «Наиболее богата в ритмическом отношении, — писал он, — обыкновенная разговорная речь <...>. Прочь — „слезы и розы“!» (Запись в альбоме А. С. Балагина // ЦГАЛИ. Ф. 341). Попыты Г. в области ритмики и синтаксиса «стихо-прозы», «лиро-сатир» отчасти, вероятно, предопределили пути развития «свободного» стиха Маяковского и как бы подготовили его появление в «Новом сатириконе». В свою очередь Маяковский оказал воздействие на поэтическую технику самого Г. Маяковский, вспоминал В. Князев, «в короткое время поставил на голову весь „Сатирикон“, офутурив Горянского» и др. (ЦГАЛИ. Ф. 2041). Начиная с 1915 мн. сатирические стихи Г. по своей фактуре чрезвычайно близки поэзии Маяковского («**Призыв**», «**На улице**»). Сатириконские сатиры, объеди-

ненные автором в цикл **«Мещанские скорби»**, вошли в следующую книгу поэта — **«Мои дураки. Лиро-сатиры»** (1916), встреченную критикой весьма сурово. «Стыдно г. В. Горянскому так не уважать данного ему Богом дарования, так разминивать его на уличную вульгарную дешевку» (Журнал журналов. 1916. № 6). Откровенная и скрытая сатира на мещанство в стихах сб. зачастую перерастает из иронической насмешки над «мещанскими скорбями» в воспеание мещанской идиллии — дистанция между автором и его дураками почти исчезает; процесс этот в новосатириконских стихах (1917) привел к преобладанию лирической тональности над сатирической (**«Хулиган Василий и я», «Единственный выход»**). В эти годы Г. эпизодически сотрудничает в различных изданиях: лит.-сатирическом еженедельнике **«Златоцвет»** (1914), **«Красном смехе»** (1915), либерально-демократическом ж. **«Бич»** (1916–18), горьковской **«Летописи»** (1917), **«Трепаче»** (1917), газ. **«Петроградское эхо»** (1917), **«Красной газ.»** (1918) и др. В 1914 Г. занял активную антивоенную позицию — в качестве военного корреспондента ездил на фронт. Резкое осуждение войны наиболее отчетливо прозвучало в стих. **«Извещение о том, что было»** (Летопись. 1917. № 5–6), которое во многом перекликалось с опубликованной здесь же поэмой Маяковского **«Война и мир»**. Февральскую революцию поэт встретил восторженно, посвятив этому событию оду **«26 февраля»** (альм. **«Революция в Петрограде»**. Пг., 1917); Октябрьская революция вызвала враждебное неприятие. Так, в пьесе Г. **«Поэт и пролетарий»** (в сент. 1917 шла в петроградском Троицком театре) главная роль была отведена картонной фигуре «„пролетария“, грозящего раздавить поэзию» (см.: Театр и искусство. 1917. № 41). 15 сент. 1917 Г. вступил в Общество драматических и музыкальных писателей (см.: Четвертое дополнение к основному каталогу произведений членов Союза драм. и муз. писателей. Пг., 1918; здесь он указан как автор куплетов и шансонеток). В начале 1918 открыл лит. буфет на Невском проспекте, пытаясь восстановить традиции **«Бродячей собаки»** (см.: Красная колокольня. 1918. 4 авг.). В июле 1918 уехал в Одессу, затем в Константинополь (1920), здесь была опубликована поэма Г. **«Вехи огненные»** (Зарницы. 1921. № 17). В 1922–26 жил в Хорватии, где вышли (на сербохорватском яз.) юмористический роман **«Необычайные приключения Боба»** (1923) и книга сказок **«Приключе-**

ния под абрикосом» (1926). В 1926 переселился в Париж. Публиковался в рижском ж. **«Юный читатель»** (1926), **«Иллюстр. Россия»** (1926–28), **«Мир и искусство»** (1930–31), **«Сатирикон»** (1931); сотрудничал в парижских эмигрантских газ.— вначале в **«Последних новостях»** (1937–39), затем, после ссоры с ее издателем П. Милюковым, перешел в **«Возрождение»**. В этот период, по воспоминаниям очевидца, был «полуслепым», «вечно голодным, вечно оборванным» (Любимов Л.— С. 204). В эмиграции Г. чувствовал себя чужим, бедствовал, 8 лет был слеп (зрение восстановилось после операции в 1944). Дон-Аминадо (А. П. Шполянский) в своих воспоминаниях оставил свидетельство о сотрудничестве «слепого, голодного» Г. в известном своей антисоветской пропагандой **«Парижском вестнике»** Ю. Жеребкова, издававшемся в годы оккупации на немецкие деньги. На основании этого свидетельства в лит-ре возникла ложная версия о сотрудничестве Г. с фашистами; Е. Хохлов, знавший поэта, отрицает это: был он «почти слеп и передвигался по городу с помощью поводыря» (Русские новости. 1966. № 1116. 4 нояб.; см. также: Евстигнеева Л.— С. 310; в ее же статье о Г. в кн. **«Русские писатели»** (Т. 1. С. 658) источником этой ошибки указан Любимов). Значительное место в творчестве Г. в годы эмиграции начинает занимать жанр сказки (**«Волшебные башмачки», «Таинственная потеря падишаха»**); в подражание Гофману им написан ряд фантастических рассказов (**«Кот Фру-Фру и прекрасная лунатичка», «Цыплята мадам Лили», «Искусственная лошадь»**). В цикле **«Рассеянные прогулки»** (1930) Г. собрал лирические миниатюры о Париже — наброски городских типов. В 1930-х были написаны **«Рассказы господина Тощенки»** — житейские байки в манере Зоценко (неопубл.). В 1940-х выпустил сб. стихов **«Неопалимая купина»**, в которых продолжил тему идиллии мещанского счастья, тоски по романтической сказке. По мотивам гоголевского **«Ревизора»** им была написана пародийная, гротескная комедия **«Лабардан»** (опубл. после смерти; Возрождение. 1959. Окт.–нояб.), в которой, по признанию Г., была «взята эмиграция, т. е. общее ее лицо» (цит. по: Спиридонова (Евстигнеева) Л. А.— С. 251). Итоговое произведение Г.— роман в стихах **«Парфандр и Глафира»** (1949, опубл.: Париж, 1956) — история любви с трагическим исходом **«девушкиного мужа»** Парфандра (читай: «либеральная интеллигенция») к прекрасной Глафире (Россия) и его

попытка спасти ее от пожара (революции). Большая часть творческого наследия Г. не опубликована (ИРЛИ, ГПБ, частный архив).

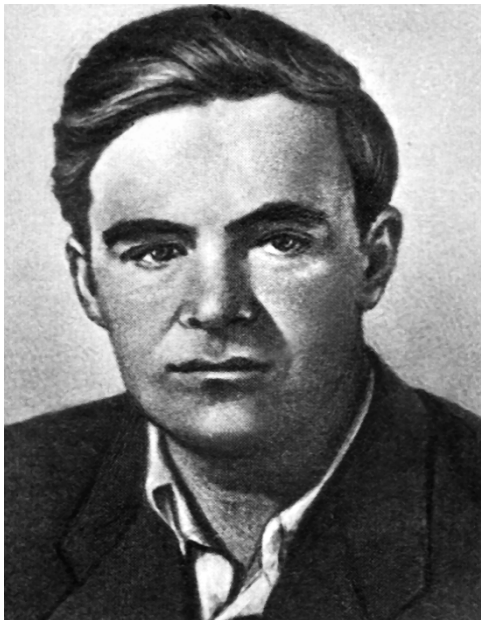
Соч.: [Стихи] // Поэты «Сатирикона». М.; Л., 1966.

Лит.: Гусман Б. 100 поэтов: Лит. портреты. Тверь, 1923; Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 657–658; Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994; Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1965; Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968; Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Русская сатирическая лит-ра начала XX в. М., 1977; Спиридонова Л. А. Горянский (1887–1949) // Лит-ра русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 2. М., 1999. С. 250–269.

С. А. Ипатова (Полозкова)

ГРАНИН (настоящая фамилия Герман) Даниил Александрович [1.1.1919, Вольск, Курской губ.] — прозаик, эссеист.

Родился в семье лесника. С детства жил в Ленинграде, где учился в средней школе, получил высшее образование на электротехническом ф-те Политехнического ин-та (1940), работал инженером на Кировском заводе. В июле 1941 ушел в народное ополчение, воевал на Ленинградском фронте, был ранен; окончив Ульяновское танковое училище, Отечественную войну завершил в Вос-

Д. А. Гранин

точной Пруссии командиром роты тяжелых танков, награжден боевыми орденами. После войны — начальник районной кабельной сети Ленэнерго, аспирант политехнического ин-та, автор статей по электротехнике, опубликованных в науч. изданиях.

Ранние лит. опыты Г. относятся ко второй половине 1930-х. В 1937 в ж. «Резец» (№ 4 и 8) были напечатаны его первые рассказы **«Возвращение Руляка»** и **«Родина»**, посвященные Парижской коммуне. Началом своей профессиональной лит. деятельности Г. считает публикацию в ж. «Звезда» (1949. № 1) рассказа **«Вариант второй»**. Первые книги Г.: повести **«Спор через океан»** (1950), **«Ярослав Домбровский»** (1951) и сб. очерков о строителях Куйбышевской ГЭС **«Новые друзья»** (1952). Первый роман **«Искатели»**, принесший писателю известность, издан в 1955.

В прозе Г. преобладают две жанровые структуры: социально-бытовая беллетристика и документально-худож. повествование. Объединяет их сквозная тема: ученые, изобретатели в совр. мире, их нравственный кодекс и традиции гражданского поведения. На протяжении полувека Г. последовательно исследует эту тему и в разноплановых романах («Искатели», **«Иду на грозу»**, 1962; **«Бегство в Россию»**, 1994), и в обращенных к былой советской повседневности повестях и рассказах (**«Собственное мнение»**, 1956; **«Место для памятника»**, 1969; **«Кто-то должен»**, 1970; **«Неизвестный человек»**, 1989), и в произведениях документально-худож., где наряду с историческими сюжетами (**«Размышления перед портретом, которого нет»**, 1968; **«Повесть об одном ученом и одном императоре»**, 1971) важное место занимают жизнеописания самобытных русских ученых — А. А. Любищева (**«Эта странная жизнь»**, 1974) и Н. И. Тимофеева-Ресовского (**«Зубр»**, 1987). Проблема нравственной ориентации личности, духовного поиска и беззаветного служения науке поставлена здесь Г. с учетом трагических последствий «атомной эры» (**«Выбор цели»**, 1972), с резким осуждением милитаризма во всех его проявлениях.

Недаром у Г. так значима и антивоенная проза. В одних случаях она имеет автобиографический подтекст (**«Пленные»**, 1964; **«Дом на Фонтанке»**, 1967; **«Наш комбат»**, 1968), в других — опирается на конкретную фактическую основу (**«Клавдия Вилор»**, 1975). Наиболее полно эту прозу представляет сб. **«Еще заметен след»**